

Закономерно выделение и такого структурного элемента быта, как социально-классовый. Содержание бытовой жизнедеятельности социальных слоев, групп, классов (интеллигенции, рабочего класса и крестьянства, наций, народностей и т. д.) является важной характеристикой общества. Социальная политика партии и государства в области совершенствования быта направлена на стирание бытовых различий между социальными группами, классами, нациями, народностями. Это проявляется в подъеме культурно-бытового уровня жизни крестьянства до уровня рабочих, инженерно-технических работников, интеллигенции, в насыщении быта всех социальных слоев и групп современной техникой, в улучшении их жизненно-бытовых условий, развитии всех сфер обслуживания.

Таким образом, социалистический быт, отражая степень зрелости общества, постоянно совершенствуется, приобретая качественно новые черты и особенности. Среди них наиболее характерны: коллективистская природа, проявляющаяся в развитии общественных форм социалистического быта; совершенствование и сближение социально-однородных черт быта социальных слоев, групп, классов, наций, народностей; возрастание социальной роли быта в воспитании всесторонне и гармонически развитой личности, формировании ее разумных потребностей.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 243; Т. 3.— С. 485.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 46.— Ч. II.— С. 246.

³ Кавалеров А. И. Формирование и развитие разумных потребностей в сфере социалистического быта // Научный коммунизм.— 1986.— № 3.— С. 68.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 24.

А. А. ТИТОВЕЦ

УЧЕНЫЕ БГУ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА В БОРЬБЕ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ ЛЕНИНСКОГО ЭТАПА НАУЧНОГО АТЕИЗМА

Усвоив и творчески переработав все позитивное, что накопили предшествующие поколения атеистов, классики марксизма-ленинизма вместе с тем сумели вскрыть ряд их ошибок и заблуждений. Так, была преодолена историческая и классовая ограниченность, элитарный характер прежних атеистических учений и устранен чисто гносеологический подход к изучению религии, впервые были указаны пути преодоления религиозных верований. Философской основой атеизма стал диалектический и исторический материализм.

Значительный вклад в развитие атеизма и философии внес В. И. Ленин. Однако в 20-е годы атеистическое наследие В. И. Ленина далеко не всеми советскими философами оценивалось по достоинству.

Определенную недооценку теоретической деятельности В. И. Ленина в области атеизма допускали в это время и некоторые ученые Белгосуниверситета. Совершенно необоснованно упрекал в 1922 году профессор Н. М. Никольский В. И. Ленина и его соратников в том, что для них «религия есть прежде всего объект обличения и нападения, а не изучения и исследования»¹.

Именно В. И. Ленин обращал внимание на необходимость исследования социальной, гносеологической, психологической и классовой детерминации религии. Он не только ввел в оборот понятие «корни религии», но и в ряде своих работ дал блестящую по форме и чрезвычайно глубокую по содержанию характеристику их.

Негативное отношение к некоторым ленинским идеям в период становления советской философской науки тормозило разработку методологии научного атеизма. В частности, многие обществоведы БГУ (С. З. Каценбоген, С. Я. Вольфсон, Н. М. Никольский) оперировали термином «корни религии», однако либо вкладывали в это понятие неадекватное содержание, либо придавали содержанию паллиативный характер.

То же можно сказать и о других ключевых понятиях: религии, ее сущности и социальных функциях. В начале 20-х годов, когда практика антирелигиозного воспитания и сама жизнь поставили перед советскими обществоведами задачу всестороннего научного анализа религии, они оказались в затруднительном положении ввиду того, что не решались отдать

предпочтение какой-либо из многочисленных формулировок, предложенных классиками марксизма-ленинизма. Советские философы отдавали себе отчет в том, что к наследию буржуазного религиоведения (в рамках которого существовало множество концепций происхождения религии и, как следствие, определений ее) следует относиться весьма избирательно; с другой же — они не в состоянии были самостоятельно дать адекватной дефиниции религии.

Так, проф. С. Я. Вольфсон, автор первого в стране учебника по диалектическому материализму, приводил двенадцать (!) дефиниций понятия «религия», принадлежащих философам-идеалистам², даже не попытавшись самостоятельно определить содержание данного явления.

Встречались в печати 20-х годов и разного рода механистические положения, подрывавшие ленинский тезис о необходимости союза философов-материалистов с материалистами-естествоиспытателями с целью успешной борьбы против идеализма и фидеизма. Нужно отметить, что атеисты БГУ в своих антирелигиозных работах часто прибегали к естественнонаучной аргументации своей позиции, в целом поддерживая указанное ленинское положение (Б. Э. Быховский, П. Я. Панкевич, С. З. Каценбоген, Р. В. Выдра и др.). В то же время в высказываниях отдельных ученых проявлялась недооценка роли философии в борьбе с религией. Так, С. Я. Вольфсон солидизировался с американским биологом Жаком Лебом, утверждавшим, что «борьба с суевериями представляет исключительную заслугу естествознания... Лурду и Мекке угрожают не гуманитарные науки, а научная медицина»³.

Названные упущения, имевшие не только методологическое, теоретическое, но и практическое значение, свидетельствовали о синкретичности самой религиоведческой науки, сдерживали развитие научного атеизма и детерминировали изъяны в антирелигиозной работе с населением. Назревала необходимость серьезного анализа создавшегося положения, и поворот в этом направлении намечился в начале 30-х годов, когда научная общественность страны по-новому отнеслась к изучению теоретического наследия В. И. Ленина, обогатившего марксистскую философию и атеизм ценнейшими положениями.

В 1931 году выходит сборник «За поворот на философском фронте». Его авторы (М. Фитин, В. Ральцевич и др.), подняв вопрос о состоянии теоретического фронта в философии, показали, что выход из создавшегося положения лежит на пути тщательнейшей разработки ленинских произведений. «По-новому встает проблема: Ленин и Плеханов в философии, — резюмировали авторы сборника. — Вполне назрела сейчас потребность критически пересмотреть ряд моментов плехановского разрешения философских вопросов»⁴.

И хотя такая постановка вопроса не означала, что ставилась под сомнение роль Г. В. Плеханова в развитии философии марксизма, однако творчество этого мыслителя с тех пор следовало рассматривать с точки зрения ленинского этапа в теории марксизма.

Научная общественность университета горячо поддержала давно назревший поворот в отношении ленинского вклада в сокровищницу мировой философской мысли. Одним из первых, кто назвал В. И. Ленина «глубоким мыслителем новой эпохи» и ценил его как философа наравне с К. Марксом, был проф. БГУ Б. Э. Быховский⁵. Проректор университета проф. С. З. Каценбоген также признавал основателя нашего государства блестящим теоретиком, внесшим значительный вклад в разработку научной, материалистической теории познания. В частности, ученый отмечал, что «Ленин подходит к разрешению сложнейших вопросов гносеологии с помощью вернейшего испытанного научного метода — диалектического»⁶.

В 1932 году в Минске была издана книга С. Я. Вольфсона «О ленинском этапе воинствующего атеизма», в которой он проанализировал теоретическое наследие В. И. Ленина в атеистическом аспекте. Главным выводом автора был следующий: «...осознание ленинского этапа воинствующего атеизма является необходимым условием всей нашей антирелигиозной работы»⁷.

Именно под влиянием ленинских работ С. Я. Вольфсон оценил важность изучения социальных корней религии. Ученый обращал также внимание на то, что в работах отдельных советских религиоведов, посвященных изучению проблем генезиса и функционирования религии, совершенно не учитывалось значение разработанного В. И. Лениным учения о со-

циальной и гносеологической детерминации этого явления. С. Я. Вольфсон самокритично признавал, что и сам он в книге «Плеханов», освещая антирелигиозную деятельность, «оставил вне критики ошибки, сделанные Плехановым в этой отрасли и не сравнил деятельность Плеханова с деятельностью Ленина, поднявшего атеизм на новую ступень»⁸. Исправляя этот недостаток, профессор БГУ обстоятельно проанализировал анимистическую концепцию Г. В. Плеханова.

Однако, заострив внимание на теоретических ошибках Г. В. Плеханова, ученый обошел в этой работе то позитивное, что внес великий марксист в копилку религиоведения. Более того, Вольфсон радикальным образом изменил прежнее мнение относительно роли Г. В. Плеханова в изучении социальных корней религии. Например, если ранее он справедливо утверждал, что Плеханов учитывал значимость социального фактора в процессе возникновения религии, то в дальнейшем необоснованно причислил последнего к оппортунистам именно за «игнорирование... социальных корней первобытной религии»⁹.

Не упомянул С. Я. Вольфсон и о трансформации своих собственных взглядов на проблему происхождения религии, хотя она представляется совершенно очевидной, если проследить творческую деятельность ученого на протяжении десяти лет (1922—1932). Так, в работах 20-х годов Вольфсон неоднократно выражал свои симпатии лишь анимистической концепции генезиса религиозных верований, а в начале 30-х годов он признает уже целый комплекс причин и предпосылок, вызвавших к жизни религию, отдавая приоритет социальным.

Эволюция взглядов по рассматриваемой проблеме была свойственна не только С. Я. Вольфсону и другим ученым университета, но также и многим советским исследователям. Эту эволюцию следует, на наш взгляд, рассматривать как совершенно естественный процесс, характерный для периода становления советского религиоведения. Овладение марксистско-ленинской теорией и методологией исследования позволило обществоведам интенсивно и плодотворно изучать многие аспекты проблемы генезиса религии, обогатило их творчество, дало надежную опору для критики всевозможных буржуазно-идеалистических концепций. Так, анализ «новомодных» буржуазных религиозных течений, появление которых было обусловлено развившимся в конце 20-х годов кризисом капиталистической системы, осуществил аспирант университета П. М. Кирюшин.

Интерпретируя причины религиозности мелкой буржуазии, которая в основном и продуцировала новые формы религии, П. М. Кирюшин подчеркивал неустойчивость ее социального статуса среди остальных классов современности, — «отсюда безнадежное отчаяние, которое проходит красной нитью через всю ее идеологию». Несмотря на внешнюю многообразность всевозможных религиозных объединений, между ними не существует принципиальных отличий, они, выражаясь ленинскими словами, «так же отличаются друг от друга, как желтый черт от зеленого». Более того, предостерегал исследователь, основываясь на выводах работ В. И. Ленина, — «нет никакого сомнения в том, что в годину грозного испытания для буржуазии все оттенки религиозной мысли сольются и буржуазия... выступит единым фронтом под знаменем религии и бога против революции»¹⁰.

Таким образом, глубина и прочность овладения теорией и методологией марксизма-ленинизма уже в те годы стали определяющими критериями эффективности научных изысканий и творческого роста профессорско-преподавательского состава БГУ имени В. И. Ленина. Те из ученых, кто опирался в своих исследованиях на положения и выводы классиков марксизма-ленинизма, внесли заметный вклад в науку (Н. М. Никольский, Б. Э. Быховский, С. Я. Вольфсон, В. И. Пичета, В. Н. Перцев и др.). Те же, кто полагался на позитивистский и прочий немарксистский философский багаж, вынуждены были признать впоследствии несостоятельность своих научных поисков.

В целом же белорусские обществоведы способствовали признанию и утверждению ленинского этапа в истории философии и атеизма, а их научные изыскания, осуществленные в рамках этого процесса, во многом не утратили своей ценности по настоящее время.

¹ Никольский Н. М. Религия как предмет науки. — Минск, 1923. — С. 41.

² См.: Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Изд. 6-е. — Минск, 1926. — С. 301.

³ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Изд. 7-е.— Минск, 1929.— С. 459.

⁴ Митин М., Ральцевич В., Юдин П. О новых задачах марксистско-ленинской философии // За поворот на философском фронте.— М., 1931.— С. 22.

⁵ Быховский Б. Материализм и диалектика в творчестве В. И. Ленина // Под знаменем марксизма.— 1924.— № 2.

⁶ Каценбоген С. З. Историческое значение Ленина // Вперед.— 1925.— № 4.— С. 56.

⁷ Вальфсон С. Я. Аб ленинскім этапе ваяўнічага атэізму.— Мінск, 1932.— С. 24.

⁸ Там же.— С. 25.

⁹ См.: Вольфсон С. Я. Плеханов.— Минск, 1924.— С. 231, 236; Его же. Аб ленинскім этапе ваяўнічага атэізму.— С. 53.

¹⁰ Кірушын П. М. Сучасныя рэлігійныя настроі буржуазіі.— Мінск, 1931.— С. 11, 50.

Г. А. КРУГЛОВА

КРИТИКА РЕЛИГИОЗНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Проблема взаимодействия общества и природы находится в одном ряду с такими глобальными проблемами современности, как сохранение мира на Земле, прекращение гонки вооружений, предотвращение войн. «Все отчетливее вырисовывается,— говорил М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС,— потребность в эффективных международных процедурах, которые обеспечивали бы рациональное использование ресурсов планеты как общечеловеческого достояния»¹.

Человечество все острее испытывает отрицательные последствия неразумного обращения с природой. В развитых капиталистических странах почти 90 % всех речных бассейнов отравлены химическими отходами. Как отмечает В. Ф. Бартов, важнейшие реки Европы Рейн, Сена, Лаура «превратились в крупнейшие сточные каналы континента»². Резко повысилось содержание опасных для человека веществ и в продуктах питания, особенно морских.

Находясь в органической связи и тесно переплетаясь с социальными экономическими, политическими противоречиями современного мира, экологические проблемы неизбежно вызывают столкновение интересов различных классов, социальных групп, политических партий и т. д. Они все очевидней приобретают ярко выраженную политическую окраску и тем самым оборачиваются «новым фронтом классовой борьбы»³. Буржуазная идеология пытается навязать общественности такие установки и представления, которые отвечали бы интересам монополитической верхушки.

Вместе с буржуазными идеологами в разработку экологических проблем активно включились и церковные деятели. Здесь необходимо отметить тесную связь идеалистической философии и религии, на которую указывал В. И. Ленин⁴. Не ослабевает эта взаимосвязь и в наши дни. Современная буржуазная философия зачастую занимается реставрацией забытых или полужабытых учений, в том числе и религиозных, а церковь стремится использовать буржуазную философию для укрепления своих сильно пошатнувшихся позиций.

В религиозно-идеалистических экологических концепциях наряду с модными теориями, призывающими к возврату к докапиталистической стадии развития и сочетанию науки с религией, сохраняется и традиционный подход, на позициях которого стоит, например, немецкий богослов Г. Лидке. Он видит причину нарушения гармонии между человеком и природой в «первородном» грехе человечества. По мнению Г. Лидке, человек в результате грехопадения был исключен из круга природы. Восстановление этой гармонии возможно лишь в будущем и существует как эсхатологическая цель.

Эту точку зрения поддерживают и представители Русской православной церкви (митрополит Алексей и доцент Московской духовной академии М. С. Иванов), которые, объясняя причину экологического кризиса «первородным» грехом, его преодоление видят в «покаянии грешника». По их мнению, до греха человек осваивал природу гармонично, а после ему пришлось делать это трудом и ценой больших ошибок «в длительном процессе исторического развития на избранном пути познания добра и зла»⁵. Тем